

СУДЕБНЫЕ ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ: ОТРАЖЕНИЕ VS. КОНСТРУИРОВАНИЕ

О.А. Крапивкина

*Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков для технических специальностей № 2
e-mail: koa1504@mail.ru*

Иркутский национальный исследовательский технический университет

Судебные дискурсивные практики рассматриваются как процесс конструирования возможного мира. Дискурсивный мир, представляющий проективную реальность, создается агентами (адвокатом и прокурором) и интерпретируется клиентами (присяжными заседателями) под влиянием совокупности экстралингвистических факторов, которые определяют выбор языковых и речевых средств их оформления. Автор приходит к выводу, что дискурсивная репрезентация мира – это неточное его воспроизведение. Она детерминирована культурными и жанровыми конвенциями, условиями, в которых реализуются дискурсивные практики, включая социально-психологические характеристики и интенциональные состояния коммуникантов.

Ключевые слова: *судебные дискурсивные практики, репрезентация реальности, конструирование, конструкт.*

Поскольку все дискурсивные практики реализуют концептуальную и межличностную функции, их можно рассматривать как репрезентацию реальности или, другими словами, представление событий, объектов, концептов, которые являются частью реального или возможного мира [Halliday 1978].

Судебный дискурс представляет собой специфичную форму социального взаимодействия, главным признаком которого является репрезентация мира реального в контексте конструирования возможного мира и оказание вербального воздействия на адресата. Репрезентация – одна из основных функций дискурсивных практик, поскольку они не просто отражают реальность, а являются средой и инструментом конструирования социальных процессов и явлений.

Для субъекта реальный и возможный миры могут быть как внешними, так и внутренними (когнитивными, эмоциональными), познаваемыми в результате наблюдения, с помощью логики, опыта или через дискурсивные практики. Когда субъект трансформирует свое знание о мире в языковые знаки, он конструирует реальность в дискурсе, реконтекстуализирует ее в дискурсивном пространстве [Baumann 1990]. В качестве примера можно привести описание событий преступления прокурором на стадии оглашения обвинительного заключения:

Reginald Daye and Crystal went to a party at a relative's house of Mr. Daye's and he rode to that party with Carlos Wilson and Carlos Wilson brought him back to that party. <...> once Mr. Daye and the defendant were in their apartment an argument ensued and during that argument the defendant took a knife and stabbed Mr. Daye. And after stabbing Mr. Daye he went out of the house, went to his cousin's apartment and immediately told him what happened. He was extremely upset, in a lot of pain, and bleeding a lot from his wound (POS, Crystal Magnum Case).

Факт преступления уже состоялся в другом пространственно-временном континууме. Он не происходит на глазах у присяжных заседателей. В зале суда имеет место лишь дискурсивная репрезентация преступления сквозь призму интенционального состояния прокурора.

В общих чертах понятие репрезентации можно определить как «представление одного в другом и посредством другого» [История философии [http](http://)]. К репрезентации прибегают, когда необходимо отобразить что-либо во внешнем мире, на ментальном или дискурсивном уровне [Демьянков 2007: 9]. Адресату предъявляется лишь дискурсивная версия говорящего о событии [Дейк 1989: 153].

Отражение – это описание определенного фрагмента реальной действительности, когнитивная репрезентация которого представлена пропозициями, верифицируемыми как истинные [Федосеева 2016: 73]. Оно формируется на основе единого репрезентационного сценария – изоморфной ментальной репрезентации наблюдаемого мира [Плотникова 2006: 77]. Ключевой функцией отражения является информирование адресата (концептуальная функция дискурса у М.А.К Хэллидея). «Если событие отражается, то сообщения о нем будут априори практически одинаковыми как на когнитивном уровне, так и на языковом уровне (использование одних и тех же языковых средств)» [Там же].

Репрезентация смещает фокусы внимания, которыми «отражаемый» объект не обладает сам по себе [Демьянков 2007: 10], замещает объекты и действия, а также порождает их, создает фиктивные объекты, которые отражаются этими репрезентациями [Там же: 10–11]. То есть дискурсивная репрезентация не только отображает действительность такой, какая она есть или была, но и конструирует ее.

Рассмотрим в качестве примера два высказывания, принадлежащих прокурору (1) и адвокату (2):

Алиев ранил С. ножом, который он достал из кармана брюк.

Перочинный ножик – не оружие, но он помогает защищать свое достоинство, свою личность, а может быть и жизнь. Нападение отбито (Дело Алиева).

Прокурор обвиняет подсудимого в причинении тяжкого вреда здоровью потерпевшего с применением холодного оружия. Конструируя мир, в котором подсудимый совершил тяжкое преступление, он ставит его

в позицию агенса. Адвокат, напротив, пытаясь снять с клиента ответственность за совершенное деяние, использует бессубъектную конструкцию, которая маркирует пассивную позицию субъекта, его дезагентивность и дезактивность. Обратим внимание и на персонификацию неодушевленного объекта в высказывании адвоката. То есть, описывая, анализируя и оценивая фактические обстоятельства дела, юристы эксплицитно или имплицитно передают присяжным огромное количество сведений, реализуя две основные интенции – информировать о событиях преступления и убедить присяжных в правдоподобности конструируемого ими мира. Реализации этих интенций способствует конструирование мира посредством дискурсивных практик.

Посредством дискурсивных практик говорящий предлагает собственную версию того или иного события. Данный подход позволяет говорить о дискурсивной репрезентации как о совокупности двух процессов – отражения как воспроизведения признаков, свойств и отношений отражаемого объекта и конструирования как создания и объективации реальности. Вспомним высказывание В.И. Ленина о том, что «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» [Ленин 1973: 194].

Представление о диалектичности типов сознания мы находим у Гегеля, который выделял наблюдающее и деятельное сознание. Наблюдающее сознание включает в себя дух, всеобщее, разум, рефлексию самосознания и ряд других сложных моментов и приводится к действующему сознанию [Гегель 2000: 156], которое создает бытие человека и определяет его уникальность. Наблюдающее сознание рассматривает то, что есть, и оставляет всё это так, как есть. Практическое же сознание является деятельным; оно совершает изменения и само создает определения и предметы. «Истинное бытие человека есть его действие, в нем индивидуальность действительна, и оно-то снимает мнимое» [Там же: 165]. «Действование есть чистая форма процесса перевода из состояния невидимости в состояние видимости, и то содержание, которое выносится на дневной свет и проявляется, есть действование уже в себе» [Там же: 201]. Таким образом, Гегель различает «действительность, которую уже застали и которая подлежит формированию».

Представляется, что Гегель как родоначальник диалектики не только «ухватил», но и описал диалектический переход от отражения к конструированию и наоборот. Именно поэтому *versus* в названии настоящего параграфа следует понимать именно как знак диалектического взаимодействия, а не противопоставления.

В современных терминах гегелевское понятие действования можно обозначить термином «конструирование действительности», который ввел в научный оборот лингвистика Р. Лангакер, определявший

конструирование как отношение между говорящим (слушающим) и ситуацией, которую тот концептуализирует или изображает [Langacker 1987].

Проблемы конструирования реальности в дискурсе привлекают внимание как зарубежных, так и отечественных исследователей (P. Berger, T. van Dijk, D. Edwards, T. Luckmann, R. Wodak, L.R. Felton, Н.Н. Болдырев, С.Н. Плотникова, О.К. Ирисханова и др.). Понятие дискурсивного конструирования продолжает идеи философского конструктивизма, которые сводятся к утверждению «человек живет в мире, творимом им самим» [Ирисханова 2014: 25]. Данный постулат нашел отражение в двух ключевых установках когнитивной лингвистики: мы взаимодействуем с миром, опираясь на его образ в нашем сознании; данный образ мы конструируем, исходя из фоновых знаний и текущих потребностей или интенций [Ирисханова 2014].

Направлением, в рамках которого рассматривались идеи о конструировании реальности, стал конструктивизм, представители которого (Дж. Келли, Дж. Брунер, П. Бергер, Т. Лукман) утверждают, что познание есть активное построение образа познаваемых предметов и событий в сознании субъекта. «События не приходят к нам и не говорят, что и как надо делать, – они просто идут своим чередом. Если что-то и управляет нашими мыслями и действиями, так это созданная нами структура» [Келли 2000: 32]. «Существуют разные способы истолкования мира», – отмечает исследователь. – «Одни из них бесспорно лучше, чем другие. С нашей, человеческой точки зрения, они лучше потому, что способствуют более ясным и точным предсказаниям в отношении большего числа событий. <...> Так как абсолютное истолкование мира неосуществимо, мы вынуждены будем довольствоваться рядом последовательных приближений к нему» [Там же: 25]. Конструирование действительности – это непосредственное существование людей, основанное на их знаниях и текущей деятельности; его суть – постоянное определение своего места в настоящем и поиски нужного будущего [Бергер 1995].

Ключевым для социального конструктивизма стало понятие конструкта – модели объяснения мира, созданной индивидом, через которую он «понимает» мир. В социальном конструктивизме признается соответствие конструктов реальности. Следует отметить, что радикальный конструктивизм, зародившийся в 70-е гг. XX века (Х. фон Ферстер, У. Матурана, Ф. Варела), уже отрицает соответствие конструктов реальности, рассматривая их как способ организации личного опыта.

В конце 70-х гг. XX века появилось новое направление – социальный конструкционизм, источником которого стали идеи Дж. Брунера, Дж. Поттера К. Гергена и Дж. Шоттера. Ключевой для них стала идея о

конструировании мира в процессе социальных практик, коммуникации [Бергер 1995].

Основные идеи, на которых зиждутся данные теории можно свести к двум положениям, релевантным для настоящего исследования: познание – это конструирование мира; реальность имеет бесконечное множество интерпретаций, поэтому добиться объективного ее отражения невозможно.

В развитие идей конструктивизма в зарубежной лингвистике разрабатывается теория лингвистической репрезентации действительности, авторы которой Дж. Поттер и Д. Эдвардс выделяют репрезентации как когнитивные явления и как дискурсивные объекты. Первые позволяют индивидам интерпретировать действительность, придавать ей смысл. Данное понимание, коллективное по своей природе, обеспечивает возможность взаимопонимания и общения [Potter 1999: 450]. Дж. Поттер подчеркивает, что в дискурсе дается фактуальное описание событий, а в дискурсивном конструировании реальности участвует индивидуальный когнитивный механизм – особая репрезентационная практика, используемая в индивидуальной когниции [Там же: 452].

Р. Водак и М. Мейер отмечают, что посредством дискурсивного конструирования реальности создается новый объект, отличный от реальности, которую он репрезентирует, формируется новое измерение значений и ценностей, происходит приписывание новых смыслов этой реальности [Wodak 2009].

Похожая точка зрения нашла отражение в работах Н. Лумана, который отвергает постулат «Социальное бытие есть; социального небытия нет», опираясь на понятие возможных миров, которое предполагает не уникальность бытия, а бытие, которое могло бы быть и другим [Луман 2004: 25]. Всякая социальная система направлена на сохранение и умножение числа состояний, контингентных с ее структурой, поэтому она образует вокруг себя поле, в пределах которого может совершаться выбор способов конструирования смысла [Там же: 40–53].

Смысловые системы реагируют на окружающий мир, однако его реальность становится для них тем, что она есть, лишь благодаря установлению собственных различий [Там же: 104]. В системе коммуникации существует бинарное кодирование, которое означает, что каждый из кодов предполагает возможность позитивного и негативного осмысления, которое производится внутри самой системы [Луман 2005: 62]. Так, в судебном процессе адвокат и прокурор конструируют собственные миры, отличные как от мира реального, так и друг от друга, и предлагают их в качестве единственно возможных адресату. Описывая события преступления, юристы через вербальные и невербальные знаки закрывают реальную действительность от адресата, создавая вместо нее дискурсивный конструкт, отвечающий их интенциональным состояниям.

В российской лингвистике проблемы дискурсивной репрезентации разрабатываются Н.Н. Болдыревым, который полагает, что язык призван отражать процесс и результаты познания мира. Исследователь вводит понятие «отраженный мир» [Болдырев 2005: 21–25]. Но языковые средства используются и для реализации интерпретирующей функции: «интерпретация является неотъемлемым свойством человеческого сознания и познавательных процессов» [Там же: 32]. Поэтому, наряду с отражением мира, Н.Н. Болдырев выделяет интерпретацию отраженного мира или, в других терминах, его реконструкцию. Одним из главных принципов изучения конструирования реальности является положение о том, что «человек не отражает мир в языке, а конструирует его с помощью языка в своем сознании» [Болдырев 2016: 10].

С.Н. Плотникова, опираясь на идеи Р. Лангакера и авторов теории социального конструктивизма (Ж. Пиаже, Дж. Келли, Дж. Брунер, П. Бергер, Т. Лукман, Дж. Мид, Л.С. Выготский), отмечает, что понятие конструирования получает интерпретацию в связи с использованием имеющихся в сознании людей ментальных репрезентаций как инструкций для действий в мире [Плотникова 2016: 74]. Исследователь различает два вида дискурсивной репрезентации действительности: дискурсивный мониторинг мира (его отражение) или «мир-со-мной» и дискурсивное конструирование мира или «мир-без-меня» [Плотникова 2006; 2014]. «Если реальность социально конструируется в повседневной жизни людей, то дискурс непосредственно участвует в этом процессе. Существование в мире – это также существование в языке» [Плотникова 2014: 41]. Данное положение развивает идеи П. Бергера и Т. Лукмана о том, что «язык реализует мир в двояком смысле: постигая и производя его. Общение есть актуализация этой эффективности языка в ситуациях лицом-к-лицу индивидуального существования. Люди постоянно производят свой социальный мир не только благодаря своим действиям, но и благодаря языку; сама “проговоренность” делает реальность, поскольку то, что не проговаривалось, не существует» [Бергер 1995: 104].

По мнению С.Н. Плотниковой, «реальный мир находится в процессе постоянного социального конструирования, поэтому любое вплетенное в этот процесс порождение дискурса можно назвать дискурсивным конструированием мира» [Плотникова 2014: 41–42], при котором «мир становится не просто другим, а таким, как было задумано его конструктором» [Там же].

В судебном процессе дискурсивное конструирование прошлого предполагает воспроизведение событий преступления, конструирование будущего – создание двух его сценариев (оправдание подсудимого / признание подсудимого виновным), «выдвигая в центр фоновые события, меняя местами фон и фигуру, интерпретируя незначимые факты как

значимые, организующие вокруг себя все факты мира и обуславливающие их» [Там же: 43].

В качестве иллюстрации изложенных выше положений рассмотрим несколько примеров, демонстрирующих реализацию механизмов конструирования реальности в судебных дискурсивных практиках.

Одно и то же событие преступления можно интерпретировать по-разному в зависимости от роли подсудимого или потерпевшего в процессе (каузатор, реципиент, помощник и т.п.). Степень участия в процессе определяет степень вины за совершенное деяние. Языковые знаки, используемые для кодирования процессов, помогают судебным ораторам конструировать миры, которые отвечают их интенциональным состояниям, направляя / смещая фокус внимания с тех или иных свойств процессов. Так, к примеру, совершенно различные конструкты события преступления можно создать с помощью глаголов *shove* (толкать) и *nudge* (слегка подтолкнуть), в семантике которых заложена различная степень насилия, позволяющая использовать их в манипулятивных целях. В качестве еще одного примера можно привести словосочетания *sexual encounter*, *сексуальный контакт* vs. *sexual abuse*, *сексуальное насилие*. Так, знаки *sexual encounter*, *половой контакт* выводят из фокуса внимания семантический компонент «насилие», в то время как *sexual abuse*, *сексуальное насилие*, напротив, помещают его в фокус.

Приведен фрагмент судебных выступлений прокурора и адвоката:

Prosecution: *Nothing that H. testified about with respect to the incident itself relies on H's testimony.*

Defense: *I told you that after you heard his story, you were going to be left with no choice but to find it unbelievable. It is not possible for the story that you have heard to be true* (Trial by Jury).

Обратим внимание на оппозицию *story* и *testimony*. Первая лексема содержит семантический компонент «вымысел», который позволяет адвокату имплицировать факт фальсификации обвинения. Лексема *testimony*, содержащая сему «торжественный, официальный», имплицировывает факт достоверности показаний свидетеля. Хотя лексема *story* не обязательно имеет негативную коннотацию, ее неоднократное повторение, в том числе в комбинации с негативными прилагательными (*unbelievable*, *not possible*), позволяет адвокату зародить сомнения в правдивости показаний свидетеля. Тот же самый эффект создается при использовании глаголов *testify* и *say*, *свидетельствовать* и *сообщать*, *рассказывать*.

Приведем еще один пример использования глаголов речевого действия с разной семантикой, которая эксплуатируется для конструирования дуалистичных реальностей:

*Подсудимый не собирался идти в милицию и покаяться в содеянном, как он **рассказал** нам в судебном заседании.*

К., жена брата В., показала, что в тот день подсудимая ушла из дома в 9 ч. 30 мин. (Обвинительная речь по делу В.).

Оба глагола описывают вербальные действия участников процесса, но, в отличие от глагола *показала*, глагол *рассказал* в данном контексте может иметь негативную коннотацию, имплицитно факт вымысла. Глагол *показывать*, который в юридическом языке имеет значение «официально свидетельствовать о чём-то», лишен данной коннотации, поскольку предполагает юридическую ответственность за вербальное поведение.

Средством конструирования разных миров в судебных дискурсивных практиках служат и синтаксические позиции участников процесса. В качестве примера можно привести механизм дефокусирования агенса. Сравните:

(1) Her boyfriend abused her. – The abuse happened.

(2) She had shaken her baby, shaken her violently for up to a minute. – The shaking that she did.

В примерах (1) и (2) вторая синтаксическая конструкция позволяет дефокусировать агенса и снять с него ответственность за совершенное деяние. Во второй конструкции примера (2) фокус высказывания смещен с бенефициара на само действие. Оба оратора говорят о факте тряски, однако адвокат исключает из фокуса потерпевшего – маленького ребенка, который, по версии обвинения, стал жертвой насилия со стороны матери. Кроме того, в отличие от адвоката, прокурор подчеркивает насильственный характер действий подсудимого (*shaken her violently*), который стал причиной смерти ребенка.

Таким образом, конструирование реальности – это не пассивное посредничество, не «объективное отражение действительности», а активное ее преобразование с целью достижения перлокутивного эффекта речи. Результат дискурсивного конструирования – новая модель мира, отличающаяся от репрезентируемой реальности, модель с новыми именами и новыми смыслами.

Дискурсивный мир, представляющий проективную реальность, создается агентами (адвокатом и прокурором) и интерпретируется клиентами (присяжными заседателями) под влиянием совокупности экстралингвистических факторов. Представляется, что теория дискурсивной репрезентации обладает большой объяснительной силой, позволяя осмысливать судебную коммуникацию в ракурсе дискурсивного конструирования различных версий реальности.

Библиографический список

Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

Болдырев Н.Н. Категории как форма репрезентации знаний в языке // Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр. / Под ред. Е.С. Кубряковой; Федеральное агентство по образованию. Тамбов: Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, 2005. С. 16–39.

Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10–20.

Гегель Г. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. 495 с.

Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.

Демьянков В.З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. № 4. 2007. С. 8–16.

Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. 320 с.

История Философии: Энциклопедия / Под ред. А.А. Грицанова, Т.Г. Румянцевой, М.А. Можейко. Минск: Книжный Дом. 2002 [Электронный ресурс].

URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/history_of_philosophy/430/%D0%A0%D0%95%D0%9F%D0%A0%D0%95%D0%97%D0%95%D0%9D%D0%A2%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%AF (дата обращения – 12.05.2018).

Келли Дж. Теория личности: психология личностных конструктов. СПб.: Речь, 2000. 249 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 29. М.: Изд-во Политической литературы. 1973. 780 с.

Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004. 118 с.

Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005. 256 с.

Плотникова С.Н. Когнитивно-дискурсивная деятельность: наблюдение и конструирование // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. М.: Гнозис, 2006. С. 66–81.

Плотникова С.Н. Дискурсивное конструирование как теоретическое понятие // Известия Волгоградского Государственного Педагогического Университета. «Филологические науки». № 5 (90). 2014. С. 41–46.

Плотникова С.Н. Понятие конструирования мира: когнитивный vs. дискурсивный подход // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXVI: Когнитивные технологии в теоретической и прикладной лингвистике. С. 73–75.

Федосеева Е.В. Когнитивные механизмы дискурсивного конструирования в медиадискурсе: дисс. ... канд. филол. наук.: 10.02.19. Иркутск: ЕАЛИ МГЛУ, 2016. 190 с.

Baumann R. Politics and performance as critical as critical perspectives on language and social life // *Annual Review of Anthropology*. Vol. 19. 1990. Pp. 59–88.

Edwards D. Discourse and Cognition. London: Sage Pubn Inc, 1996. 368 p.

Halliday M.A.K. Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning. London: Arnold Publishers, 1978. 256 p.

Langacker R. Foundation of Cognitive Grammar. Vol. 1. Theoretical Prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987. 516 p.

Potter J. Social representation and discursive psychology: from cognition to action // Culture & Psychology. Vol. 5 (4). 1999. Pp. 447–458.

Wodak R. Critical discourse analysis: History, agenda, theory, and methodology // Methods for critical discourse analysis / R. Wodak, M. Meyer (Eds.). London: Sage, 2009. Pp. 1–33.